
Гарик.
Становление
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Дмитрий Плахов

Гарик. Становление

https://litres.ru/75036108
SelfPub; 2026

Аннотация

Гарик - это осколок молодого поколения 90-ых годов. Это своеобразная исповедь человека, который прожил жизнь так как и подавляющее число молодых людей его времени. Садик, школа, ПТУ, завод, первая свадьба... и правда, от которой хочется отвернуться. Здесь нет морали. Только яркие моменты из молодости главного героя, которые не оставят вас равнодушными.

Строго для лиц 18+.

Содержание

От автора:	5
«Ранние годы»	7
«Школьные годы»	9
«Период учебы в ПТУ»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Плахов
Гарик. Становление

От автора:

Садясь за написание этой повести, я сразу хочу предупредить вас, уважаемый читатель: это не книга для легкого вечернего чтения. И, скорее всего, большинству из вас она не понравится. Именно поэтому я и решил написать это вступление — чтобы ввести вас в курс дела до того, как вы перевернете первую страницу.

Грязный, матерный язык, который вы встретите здесь, — это не попытка эпатировать публику и не шок-ради-шока. Это — броня. Это аутентичный слепок той среды, отмывать которую до состояния литературного салона было бы преступлением перед правдой. Если убрать из этой истории мат и грязь, от нее останется лишь пластиковый муляж, пустая оболочка. Я сохранил этот язык ради реализма, каким бы неприглядным он ни казался.

Я вовсе не ставил перед собой цель — очернить или, напротив, обелить слова и поступки своего героя. Пусть именно вы сами решите, как относиться ко всему, что найдете на этих страницах. Гарик интересен мне в первую очередь тем, что во всех его гротескных, неприглядных и порой трагикомичных байках есть что-то живое и абсолютно не наигранное. В его цинизме, в его грязи и в его пьяном угаре нет ни капли фальши. Он не пытается казаться лучше, чем есть. Он просто живет так, как умеет.

Историки любят рассуждать о девяностых как о своеобразном «Новом смутном времени». Они говорят о развале страны, о смене формаций, о геополитических катастрофах. Но во всем этом монументализме явлений мало кто рассматривал непосредственно то, как жило то самое молодое поколение, идеалы прошлой жизни которых были разрушены, а новые горизонты ещё не успели наметиться и сформироваться.

Наверное, герой понадобился мне именно таким, каким однажды явился предо мною. Мне часто делалось жутко, когда он, казалось, вглядывался в меня сквозь строчки данной работы, то пугая меня, то очаровывая...

… *Плахов Д.В.*

«Ранние годы»

Моя жизнь скучна и однообразна. Она была такова с детства. Самое первое моё воспоминание – это как меня сбило велосипедом, и я уебался головой об бордюр. Может быть, именно после этого случая в моей жизни начали происходить всевозможные казусы… Хотя, я и до этого был с припиздью. И при чем с хорошей, блядь…

Вот раньше, кто помнит, было модно выйти на улицу и взять с собой какой-нибудь бутерброд с вареньем или с подсолнечным маслом. В общем, у кого что дома было, тот то и таскал, чтобы перекусить. Но у меня как-то так получалось, что дома жрать было особо нечего. И во двор я выходил с пустыми руками.

Я помню прекрасно, как я будучи пиздюком бегаю во дворе и мне постоянно, до рези в животе, хотелось жрать. И я прекрасно помню, как выкручивался из данного положения... Во дворе была такая травяная площадка, типа, газон. И я вот там, в этом газоне, собирал огрызки от яблок. Ходил, смотрел под ноги: раз — огрызок. Я возьму его, от земли отряхну... Ну, пиздюком был, хоть уже и в сознательном возрасте — я это помню. Отряхну его от грязи, хуякс — и схуячу... Прямо чуть ли не до исчезновения я этот огрызок сжирал.

И вы реально не представляете, сколько радости мне до-

ставляло, если у меня получалось найти где-нибудь половину яблока. А я вот помню — нашёл целое яблоко! Целое! Разломил его напополам, а оно всё внутри черное и червивое. И ты представляешь? Я выковырял оттуда всю эту черноту с червями, отряхнул и всё равно сожрал.

Я помню, всё собирал эти огрызки... Ел их и ел... И единственная причина, почему я остановился и перестал этим заниматься, — это потому что у меня пошли болячки по губам. Да, это я тоже прекрасно помню... Матушка мне всё рот какой-то мазью мазала. А я мычал и не мог сказать родителям, что я огрызки грязные с улицы подбираю и там же хуячу их. Понимаешь? Мне было реально стыдно им об этом говорить.

Помню, мог ещё подобрать какую-нибудь полуобсосанную конфету. Но это было совсем в раннем детстве. Случай был, мы в машинки играли в песочнице с другом тогдашним. Играем, играем, а в песке вот эта конфетка — карамелька. Вся в песке, ебать её... И мы её пососали... Ебать! Я сейчас вообще не понимаю... Заставь меня это сделать... Ну, пиздюками были, хули там говорить.

Так что вот такой вот я, блядь, помоечник. Ковыряться по помойкам мне, по сути, не привыкать, огрызки собирать.

«Школьные годы»

Наверное, как и у всех, после детского садика, когда уже купили портфель, тетрадки, вручили на руки эту ебаную азбуку, я всей душой и телом хотел избавиться от садика и попасть в школу. Потому что мне казалось: детский сад — это такой ад, по сравнению с которым школа просто райское наслаждение.

Я помню этот последний год и выпускной. Помню, что мне подарили портфель. Не помню, кто именно, садик или родители, не суть... Но я отчетливо помню, что я с этим портфелем, как блатной, ходил кругами по детскому саду, выебываясь перед пиздюками, мол: «Вот я такой крутой, иду в школу! А вы, щенки, тут сидите...». Конечно, когда я попал в школу, я моментально захотел обратно в детский сад, и все эти свои понты засунул себе же в жопу вместе с этим самым портфелем.

Короче, пошёл я в школу с новым портфелем, в стандартной форме: брючки, пиджачек, белая рубашоночка... И наверное, нормально учился класса до пятого. Знаете, для меня любимыми предметами были музыка, труд и физкультура — всё то, что нравится любым мальчикам в таком возрасте. Это были те уроки, от которых я реально получал удовольствие. И меня всё устраивало, пока в программе не появились иностранный язык, алгебра, геометрия... Одним сло-

вом, такие уроки, дававшие мне полное понимание того, что они мне по жизни нахуй не пригодятся.

Я не любил делать уроки, потому что нихуя толком не понимал. Мне постоянно помогали родители. Я всё время звонил, доёбывая одноклассников, спрашивая ответы и решения. Раньше не было интернета, где можно что-то узнать, поэтому действительно мы были вынуждены учиться своими мозгами. А их у меня, честно говоря, не хватало для каких-то особых знаний. Литература, математика, русский — у меня интереса так же не вызывали. Но я прекрасно понимал ещё тогда, что читать, писать и считать я научиться обязан, потому что это реально пригодится мне в жизни.

История мне, может, и была тогда интересна, например: кто такой был этот лысый Ленин; кто кого когда завоевал и кто от кого в итоге получил пизды. А вот химия, физика, астрономия, биология и прочая откровенно абстрактная хуйня мне была просто нахуй не нужна. Я всегда был уверен в том, что, по факту, учиться вполне достаточно где-то до класса 5–6-го. Читать, писать, считать научился — и всё! Пиздуй на все восемь сторон света! Всё равно вся эта заумная херня мне по жизни мало чем пригодится. Да, я был хуевым учеником...

У меня часто было неудовлетворительное поведение и прилежание. Постоянно какие-то грязные тетрадки. То ручка сломанная, то учебники исписанные. Но, несмотря на замечания, в глубине души я никогда не придавал этому ника-

кого значения. Не знаю, почему была такая хуйня...

В школе меня не очень любили, мягко говоря. Да, я был октябренком, пионером, но для меня это совершенно ничего не значило. Носить октябрятский значок считалось гордостью. Но для меня это был пустой звук. Когда людей принимали в пионеры — а меня приняли последним из класса — все с гордостью носили эту красную тряпку у себя на шее. Мне же она, сука, мешала. Меня она раздражала.

Нас реально заставляли покупать значки, совершать какие-то взносы... Слава богу, комсомольцем я не был — носить эти галстуки, читать речёвки, чуть ли не целовать советское знамя. Горн, барабаны, вожатые... Меня это всё бесило уже тогда. Я прекрасно понимал, что в этом нет никакого смысла. Это стандарты, которые нахуй не нужны мне в жизни, банально потому, что мне на них до пизды.

Помню, практиковалась такая хуйня, когда звёздочки прибивали на двери ветеранов. Родительские комитеты были. Но бесило меня больше всего то, что были какие-то обязательные работы: мы клеили картон, делая коробки и разнообразные поделки. Всё это куда-то отправлялось, и, как мне кажется, кто-то за это всё получал бабло. Как следует понимать, я всё это видел, и меня это бесило. Хотя бы потому, что нужно было оставаться после уроков. Это был медвежий труд, который лично мне не приносил пользы, но кому-то от этого явно была выгода. В первую очередь школе и учителям. Скорее всего, она за это всё получала баблище? Может,

его получал кто-то повыше? Можно назвать это рабством. Можно коммунизмом. Да как угодно, короче... Всё бесплатно, на добровольных началах. И не то что на добровольных началах, а на добровольно-принудительных.

Наверное, на фоне этой неприязни и связан тот факт, что в школе я был довольно азартным чуваком. Базара нет... Я, наверное, первый из класса начал курить, матюкаться и чуть ли не напрямую посылать учителей нахуй. Да, и такое было... Так как я был самым хулиганистым, меня всё время сажали за первую парту. Помимо меня, в классе было ещё трое шалунов. А вернее, трое отъявленных распиздяев, формировавших нашу школьную компанию.

Одного звали Володей — он сейчас сидит в тюрьме. Другого — Васек, он спился. Дима тоже спился. Ну и я вот... И знаете, школьные показатели, кто как учился и к чему стремился, по жизни и вылились в итоге в то, что мы имеем. А именно... Если я был таким разбитным разъебаем, который ни к чему не стремится и которому всё похую — то таким я и сформировался в итоге. Обычным работягой с недовольной позицией на жизнь.

Так как мы были хулиганистыми, нас четверых всегда сажали возле стола учителя. Когда мы на переменках бегали покурить, учитель всё это само собой чувствовал. Постоянно писал записи в дневник, названивал родителям, вызывал их в школу и говорил, мол: «Вот ваш сын курит и дышит на меня этим смрадом!». За что лично я получал хороших

таких пиздюлей по своей черепушке. И как вы сможете убедиться впредь, по голове мне били частенько, коли я вырос такой ебантроп. Но тогда этот инструмент воспитания никак не мог на меня повлиять. Я продолжал курить, и ничто не могло меня остановить в этом начинании.

Может, причина была в том, что на тот момент я гулял в такой компании, где уже начинали побухивать, а потом и баловаться клеем, краской, растворителем и, сука, бензином? Я не стану отрицать, утверждая, что меня эта хуйня прошла стороной. Более того, в моей жизни был период, когда я тоже пробовал дышать краской и клеем. И даже были моменты, когда мне это нравилось. Но, благо, до меня вовремя дошло понимание, что от этого я реально начинаю тупеть. Это был пиздец полный. Да, курить плохо, но дышать краской, будучи школьником — это уже, блядь, за гранью...

Помимо курева, я изрядненько баловался. Неусидчивый был, постоянно вертелся на уроках. Моя парта всегда была изрисована ручкой. Я играл в крестики-нолики, не обращая внимания на замечания учителей. Само собой, они меня недолюбливали, как и я их. У меня даже не было любимой учительницы.

Помню директрису — надменная женщина, дерзкая. Помню первую классную руководительницу. Ничего такая женщина, но она меня не любила, это однозначно. Не любила таких, как я, хулиганов. Считала, что из них ничего не вырастет, будут распиздяями по жизни. Помню следующую

классную руководительницу. Тоже неплохая женщина, но у неё было несчастье в жизни — сын умер. И мы как-то подстёбывали этим, потому что она нам не нравилась. Мне кажется, когда учился в школе, всё бесило. Казалось, что все доёбываются. Хотят тебе плохого. Специально вызывают к доске… Я всех их по-своему недолюбливал. В каждой было что-то, за что я их мог даже ненавидеть.

И когда в классе что-то происходило, все подозрения первым делом падали именно на меня. Все учителя хором повторяли: «Из этого долбоёба ничего хорошего не получится!». И по сути, они были правы. Из меня действительно ничего хорошего не получилось, но и слишком плохого тоже... Я простой человек, который вырос и стал обыкновенным работягой. Несмотря ни на что, мне удалось не спиться и не сесть в тюрьму. Но они пророчили мне именно такую судьбу. И отчасти мне удалось оправдать их ожидания...

Из школьных времён мне запомнились наши чаепития. Когда мы приносили чай, кофе, конфеты, печенье и всё такое прочее... Садились за общий стол из расставленных парт. Все болтали и смеялись, пили чай. Но мне нравилось не это. Мне нравилось то, что после этого была классная дискотека!

Я как сейчас помню песни, которые крутились: «Ласковый май», «Ласковый бык»... Кажется, группа «Кармен» уже тогда начинала... Богдан Титомир, Алика МС... Помню песню «Такси»: «Би-би-би-би, сука, такси...». Я её недавно слушал — это, конечно, примитив полный. Но на тот период

времени казалось чем-то охуенным.

Ламповый усилитель, две колонки и пять цветных лампочек — вот это всё и была дискотека. Но фишка была даже не в этом. В спортивном зале был полумрак, и можно было потанцевать медлячок с какой-нибудь девчонкой. Даже можно было где-то полапаться в полумраке. В нашем классе были доступные девчонки. Точно не могу сказать, еблись ли они тогда уже, но, прогоняя в памяти всех этих девочек, мне кажется, что даже сисек ни у одной из них толком не было.

Вспоминаю, была одна девочка, Настенька, что ли? У неё у единственной на тот момент в классе появились сиськи. И да, это меня нехило так волновало и интересовало! Она будто специально надевала обтягивающую футболку, через которую торчали соски. И данное зрелище возбуждало мой интерес к этой девочке. Впрочем, тогда все это замечали и загорались желанием начать с ней сразу же дружить и почаще встречаться после уроков. Что интересно, а сама-то она на вид была — неприметная серая мышка. И вот именно тут, на этих самых дискотеках, был самый момент, когда можно было потанцевать с этой самой Настенькой. Ну и, может быть, случайно, само собой, дотронуться до предмета своего вожделения. И надо понимать — это было только начало. Тогда мы только курили, и ещё даже не бухали. На тот момент в нас не было ещё столько наглости, сколько могло вселить выпитое вино.

Стоит понимать, что даже уже будучи студентом ПТУ, я

всё равно приходил на школьные дискотеки. Даже несмотря на то, что я давно сдал экзамены и интересы мои на тот момент уже кардинально поменялись, я всё равно продолжал ходить туда ради того самого чувства, которое невозможно описать словами. Тогда я уже немножечко побухивал и был понаглее, под градусом. Приглашал девчонок, лапал, мацал. В то время я никого не выебал, никому не засадил, да и никто мне и не дал. Но мне там это было не важно. Я получал удовольствие уже от того, что просто там нахожусь.

И если уж вспоминать о хорошем, то мне хочется вспомнить девушку, которая мне нравилась в классе. Звали её Ленка. И вот это были именно такие романтические дни, которые показывают в пошлых мелодрамах: я носил её портфель, провожал до дома, списывал у неё домашние задания... Мы общались, дружили, но ничего между нами не было. Мы даже не ходили за ручку, не целовались в щёчку. И мне это нравилось... Меня это устраивало... Но потом у этой девчонки появился более старший поклонник, и он её, как мне казалось, уже тогда начал поёбывать. Ну а я, как и подобает романтическому герою данной мыльной оперы, решил отойти в сторону и не мешать.

С горем пополам я закончил эти девять классов. К слову, я ни разу не оставался на второй год, и уж тем более ни разу не оставался на осень. Меня тянули. Учителя понимали, что из меня всё равно ничего не получится. Что в 10-й, 11-й я всё равно не пойду. Мыслей идти в институт у меня не было.

Я изначально избрал для себя путь обычного работяги. Не стесняясь, говорил, что просто хочу быть водителем автобуса. Помню, как мне дали списать, лишь бы поставить тройку и лишь бы от меня избавиться. Напоследок только сказали: «Давай! Goodbye! Пиздуй...».

Конечно, можно говорить, что девять лет в школе потрачено напрасно и прочее... Для многих главное — выпускной. Но у меня его не было. Я закончил девять классов, и школа не оставила во мне никакого отпечатка. Мне похуй — что она была, что её не было...

Я мечтал поскорее отучиться и пойти работать. Завидовал родителям: они работали, им не надо было учить уроки, им не ебали мозги в школах... Мне казалось, что работать — это так просто. В детском саду казалось, что просто — это в школе. А в школе казалось, что просто — на работе.

Потом, спустя годы, конечно, проводили эти ебучие сходки — вечера выпускников... Но мне никто и никогда не сообщал об этих встречах. Я не знал, когда они проводились, и до сих пор не знаю, проводятся ли они. Но, по ходу дела, всем на меня так же похуй, как и мне на них. И я прекрасно понимаю почему. Смысл вечера встреч в чём? Поделиться достижениями, кто чего добился. А мне делиться по факту-то и нечем. Поэтому я думаю, что если бы меня даже и пригласили, я бы, скорее всего, не пошёл. О школе мне больше вспомнить нечего.

Прошёл определённый период времени, и я подался

устраиваться в ПТУ на газоэлектросварщика, где дальше и получал полное среднее специальное образование.

«Период учебы в ПТУ»

Что связано с ПТУ, спросите вы? Ну, ПТУ — это такой трёхлетний период, в который выпал самый хреновый этап моей жизни. Это было время, когда я конкретно бухал, не ночевал дома, дрался и ебал всех подряд без разбора. Можно сказать — бомжевал где-то по подвалам с какими-то шлюхами, постоянно пьяный. В общем, это был самый гадкий период в моей жизни...

Я не работал. Как и все мои товарищи. Но парадокс ситуации в том, что никто не работал, денег ни у кого никогда не было, но всё время, сука, мы были в жопу пьяные. И у вас возникнет логичный вопрос: «Гарик, а на что же вы тогда бухали?». Наверное, самый популярный способ, на что можно было бухать — это, конечно, что-нибудь пропить. Каждый пропивал всё, что мог. Но самым популярным пропоем на тот момент были видеокассеты. Да, да, не удивляйтесь... Видеомагнитофоны тогда были уже не редкость. Но большинство людей всё-таки старались не покупать кассеты, а как-то их переписывать, брать друг у друга, меняться. Даже были пункты обмена этих кассет. Кассеты были у многих. И вот их-то и можно было выгодно продавать.

У нас был один такой знакомый, который работал на химкомбинате, откуда он на постоянной основе пиздил спирт. Его звали Александр. И с ним связана крайне занимательная

история. Дело в том, что раньше он торговал самогонкой, но с ним произошёл один казус, после которого он и превратился... Короче, мы его называли Сашка Терминатор. Может быть, это было в чём-то жестоко, может, в чём-то грубо, но это было именно так.

Короче... Как-то этот Александр попал под машину. А если конкретней — его сбили менты. Сбили так, что... В общем, нормально его так покалечили. Он дохуя пролежал в реанимации, но, слава богу, выжил. Но, естественно, с головой у него стало немножечко, так скажем, нехорошо. Его долго лечили, он стал более-менее нормальным, но всё равно у него были такие движения и повадки... знаете, как у робота. Поэтому мы его так и прозвали — Сашка Терминатор. Но даже с этой отшибленной головой у него хватило ума продавать нам самогонку.

Со спиртом и самогоном проблем не было. И вот как-то этот самый Александр приобрёл себе новенький видеомагнитофон. А значит, ему нужны были кассеты. Тариф был простой: одна кассета — одна бутылка разведённого спирта. Причём неважно, какая запись была на этой кассете, какой фильм или вообще чистая. Он их просто скупал, и всё.

Я не помню, сколько у меня на то время было кассет. Ну, штук пятьдесят, пускай. Я их даже не считал. Но я отчетливо помню, что эти кассеты ушли прям ну очень быстро. И пропивал я их до тех пор, пока родители не начали их от меня натурально прятать. Само собой, я их опять находил, снова

нёс пропивать и в итоге пропил их все. И так, к слову, поступили все мои знакомые. Мы пропивали все свои кассеты, какие только возможно было пропить. Разве что оставались ещё какие-то сломанные, лопнутые, треснутые, зажёванные, которые Сашка уже просто ни в какую не хотел никак брать.

И я сейчас вспоминаю один очень интересный случай по этому поводу... Как-то, помню, несём мы очередную кассету, зная, что какая-то часть плёнки на ней зажёвана. Само собой, мы её специально перемотали на нормальную часть на случай, если Сашка решит заморочиться и проверить, — чтобы она казалась заебастой. Идём, значит, и вдруг замечаем, что на дороге валяется расчёска. Такая, знаете, с одной стороны гребешок, а с другой стороны зеркальце. Эта расчёска одевалась как-то на руку, и ей, как мне казалось, чесали собак. На массажную расчёску, короче, она точно не была похожа. Не суть...

Ну, малый, с которым мы шли, её просто так подобрал мимоходом. И приходим мы к Сашке домой, значит. Даём ему кассету. Тот сразу, хуякс, начал крутить, вертеть её в руках и сразу, видимо, почувствовал подвох. И он нам говорит такой: «Не, мне вот кассета не нужна. А вот расчёсочку я возьму за бутылёк...». Мы аж опешили... Аж окаменели... Малый осторожно протянул ему эту расчёску. Я слегка трясущимися руками взял эту ебучую бутылку разведённого, и мы с ним давай бегом-бегом нахуй оттуда... В итоге мы остались и при кассете, и при бутылке, короче.

Я до сих пор, как ни подключал свою тупую башку, не могу понять, зачем ему эта расчёска. Он был уже тогда с лысиной, и собаки у него не было. Может, жене подарил? Может, любовнице этой расчёской пизду чесал? Я не понимаю...

Но это далеко не единственное, что можно было пропить в те времена. Тогда ещё становились популярными приставки Dendy и всё, что с этим связано. И само собой, Александр входил в число тех счастливчиков, кому удалось урвать данную приставочку. И вы уже и сами успели догадаться, что это было делом времени, когда Сашка решит начать заниматься скупкой игр на картриджах для данной приставочки.

Расценки были такие: за одну игровую кассету от Dendy он давал полтора литра разведённого. Мы почесали свои бошки и осознали простой факт: видеокассеты мы в принципе все пропили, и даже если где-то найдём, то продавать игровые картриджи гораздо выгоднее. У меня самого их было немного, штук пять или семь, я их, естественно, сразу же въебал. У некоторых моих знакомых было чуть побольше, мы их тоже, блядь, быстренько впердолили.

И на фоне всего этого ажиотажа у меня также произошла крайне занимательная история. В общем... У одного моего корешка был племянник, и вот у него была приставка Dendy, и кассет, наверное, штуки три, четыре, может, пять. Сами понимаете — как бы всё у всех давно пропито. И вот так вот всегда выходило, что мы всегда приходили к этому малому бухать. Смотрели на кассеты племянника и всё время с та-

кой чёрной завистью... Сами можете нас понять: а тут прямо перед нами лежит пять литров разведённого. Ёб твою мать... У нас аж слюни на ковер капали.

И как стоило ожидать от таких пьянчуг, как мы, — долго противостоять данному соблазну было нам не под силу. И вот в один прекрасный момент мы выждали, когда племяшку заберёт сеструха нашего дружка, и мы всё-таки пизданули у него пару кассеточек. Мы взяли всего два литра спирта, но всё равно сидели и были довольные самому тому факту, что вот вот сможем нажраться. Ровно до одного момента... С прогулки вернулись сеструха с сыном. Сын первым делом, естественно, кинулся к Dendy.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.